

Дискурсивная репрезентация коммеморативного события (на материале английского языка)

Е. П. Мурашова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e.p.murashova@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей дискурсивной репрезентации коммеморативного события как базовой когнитивной единицы коммеморации. Для достижения поставленной цели помимо общенаучных методов исследования (анализ, синтез и др.) были применены фреймовый анализ, фреймовое моделирование и типы анализа языковых явлений (лингвостилистический и дискурсивный анализ и др.). Материалом исследования послужили 750 англоязычных интернет-текстов, опубликованных британскими, американскими и канадскими политиками с 2019 по 2025 годы. Установлено, что в коммеморативном событии коллективная память, не представленная как таковая ментально, является продуктом конструирования реальности в дискурсе. Выявлены дискурсивные механизмы формирования коллективной памяти в коммеморации – мифологизация, стереотипизация и рекурсия.

Ключевые слова: коммеморация, событие, коллективная память, коммеморативное событие, событийность, когнитивное моделирование, фреймовый анализ, автокоммуникация, дискурсивные механизмы, миф

Для цитирования: Мурашова Е. П. Дискурсивная репрезентация коммеморативного события (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 9 (903). С. 62–70.

Original article

Discursive Representation of the Commemorative Event (an analysis of English-language texts)

Ekaterina P. Murashova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e.p.murashova@mail.ru

Abstract. The article aims to reveal the peculiarities of the discursive representation of the commemorative event as a basic cognitive unit of commemoration. To achieve the aim the author uses general scientific methods (analysis, synthesis, etc.), frame analysis, frame modelling and types of analysis of language phenomena (linguostylistic, discursive analyses, etc.). The research material is 750 English-language online texts published from 2019 to 2025 by American, British and Canadian politicians. It is revealed that within a commemorative event the collective memory, as such unrepresented mentally, is a product of construction of reality in discourse. The author reveals discursive mechanisms of forming the collective memory in commemoration – mythologisation, stereotypisation and recursion.

Keywords: commemoration, event, collective memory, commemorative event, eventfulness, cognitive modelling, frame analysis, autocommunication, discursive mechanisms, myth

For citation: Murashova, E. P. (2025). Discursive representation of the commemorative event (an analysis of English-language texts). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 62–70 (In Russ.)

Память – это зеркало,
в котором мы рассматриваем отсутствующих.
Ж. Жубер

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена особенностям ментальной и дискурсивной репрезентации коммеморации как события, направленного на сохранение коллективной памяти о прошлом, т. е. коммеморативного события. Под коммеморацией здесь и далее понимается «ретроактивная массовая коммуникация, оперирующая прецедентными феноменами (как правило, именами) в целях реактуализации, продвижения и сохранения наследия прошлого» [Мурашова, 2024, с. 67]. Основу коммеморации как коммуникативного взаимодействия составляет социальная практика совместного памятования, оперирующая коллективной памятью социальной группы, т. е. ее представлениями о своем прошлом, образующими ее коллективную идентичность [Мурашова, 2025]. Коммеморативное событие мы рассматриваем, с одной стороны, как сложную структуру, форму ментальной репрезентации необходимых для коммеморации знаний, и, с другой стороны, как форму реализации коммеморативного дискурса и основную единицу его анализа.

До сих пор в фокусе интереса лингвистов оказывалось моделирование события в деловом дискурсе [Левченко, 2023] и медиадискурсе [Косиченко, Казакова, 2023] и конструирование события как основы категории событийности и базовой нарративной единицы художественного и гибридного дискурса [Дзюба, Рябова, 2022].

Актуальность обращения к событийному аспекту коммеморации обусловлена тем, что, в отличие от большинства событий социальной жизни человека, которые центрируются вокруг какого-либо одного значимого происшествия, коммеморация не может быть описана в терминах сингулярности, представляя собой сложный событийный комплекс по воспоминанию, запечатлению и сохранению в памяти и забыванию. Направленность коммеморации «внутрь себя», ее вторичный характер по отношению к инициирующему ее событию и другие особенности коммеморативной событийности нуждаются в лингвистическом изучении.

Новизна исследования заключается в том, что впервые с точки зрения когнитивной лингвистики осуществляется моделирование и описание коммеморации как особого вида коммуникативного события.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования ее результатов для

организации коммеморативных событий в рамках соответствующей практики.

Реализация поставленной цели предполагает выполнение двух задач: во-первых, когнитивное моделирование коммеморативного события как отдельного типа события, отличного, например, от коммеморируемого события; во-вторых, выявление механизмов дискурсивной репрезентации коммеморативного события.

Для достижения первой задачи использовались главным образом фреймовый анализ и фреймовое моделирование как основные методы изучения стереотипного фрагмента действительности с явно выраженной событийностью. Для достижения второй задачи применялись общенаучные методы исследования (анализ, синтез, наблюдение, сравнение и др.) и типы анализа языковых явлений (лингвистический и дискурсивный анализ и др.).

В качестве материала исследования послужили 750 англоязычных малоформатных (до 280 символов) текстов, опубликованных британскими, американскими и канадскими политиками в официальных интернет-источниках с 2019 по 2025 год. Материал был отобран методом сплошной выборки из личной картотеки автора настоящей статьи. Выбор политического дискурса в качестве эмпирической базы исследования обусловлен тем, что, во-первых, коммеморативный дискурс, как правило, не представлен в чистом виде и в основном функционирует в рамках социальных институтов (в том числе политических); во-вторых, в политике воздействие на коллективную память является одним из условий реализации и поддержания политической власти.

КОММЕМОРАЦИЯ КАК СОБЫТИЕ

В современной социальной философии наметилось несколько тенденций в толковании понятия «событие». Во-первых, событие часто противопоставляется бытию в хайдеггеровском понимании («событие», а не «со-бытие»). Предполагается, что бытие лишь дает основу для какого-либо исключительного и непредсказуемого отклонения от обыденности, коим и является событие, – «любое явление, которое, свершаясь, индивидуализируется в своей уникальной и неповторимой сущности и даже обретает собственное имя»¹. Во-вторых, подчеркивается вещественно-языковая природа события. С одной стороны, оно отражается в языке, конструируется им и приобретает благодаря ему свою значимость, с другой – язык служит тому, чтобы говорить о вещах. Как отмечает

¹Подорога В. А. Событие // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 583.

Ж. Делез, «событие обитает в языке, но оживает в вещах» [Делез, 2011, с. 39]. В-третьих, событие рассматривается как перформанс («театр визуальных искусств») – особый вид творчества, совмещающий «элементы изобразительного искусства, театра, танца, музыки, видео, кино», для которого характерна срежиссированность действия, пространственная замкнутость, ограниченность количества участников, интерактивность, тяга к акционизму и импровизации¹. Перформанс как событие с модулируемыми параметрами предлагает многообразие вариантов творческого осмысления одной и той же истины, приобретая тем самым значимость события о событии.

В когнитивной лингвистике событие чаще всего рассматривается как когнитивная структура, позволяющая реализовать важнейшие функции языка, – использовать его в качестве орудия коммуникации (коммуникативная функция) и познания мира (когнитивная функция). Когнитивная сущность события демонстрируется в определении, предложенном О. К. Ирисхановой: событие – «целостный фрагмент картины мира, отражающий локализованное во времени и в пространстве изменение, важность и уникальность которого отмечены социумом или индивидом» [Ирисханова, 1997, с. 6].

Присущая коммеморации процессуальность позволяет считать ее событием, а в качестве единицы исследования коммеморации можно выделить коммеморативное событие как акт совместного памятования. М. Райзигль рассматривает коммеморацию как полимодальный семиотический процесс и событие, поскольку, как правило, помимо чисто вербального измерения она имеет множественные невербальные измерения символического, индексного и иконического порядка и проходит в формате перформанса различной степени масштабности [Reisigl, 2018].

Основной характеристикой коммеморативного события, отличающей его от многих других коммуникативно опосредованных событий, является автокоммуникативность, что означает направленность когнитивных процессов участников «внутри себя». Термин «автокоммуникация» был введен Ю. М. Лотманом для обозначения передачи информации по направлению «Я – Я», где «воспринимающее второе «Я» функционально приравнивается к третьему лицу» [Лотман, 2010, с. 164]. По замыслу Ю. М. Лотмана, различие между коммуникацией в «системах» «Я – ОН» и «Я – Я» заключается, прежде всего, в том, что в первой системе информация перемещается в пространстве,

а во второй – во времени, и в зависимости от того, происходит ли разрыв во времени при передаче информации или нет, автокоммуникация может выполнять соответственно мнемоническую или другую культурную функцию [там же]. В автокоммуникации, по мнению Ю. М. Лотмана, информация не передается в исходном виде, как в канале «Я – ОН», а подвергается качественному преобразованию «добавочными кодами» и под воздействием обстоятельств, сдвигающих контекст коммуникации, что, в свою очередь, трансформирует личность «Я» [Лотман, 2010, с. 165].

В отличие от некоторых других автокоммуникативных событий (например, в АСМР-дискурсе [Евграфова, 2024]), коммеморация имеет выраженный ретроспективный характер. Она выполняет мнемоническую функцию преодоления временных разрывов и обеспечения континуальности времени. При этом культурный код, обслуживающий автокоммуникативное «путешествие во времени» в коммеморации, выполняет культуроподдерживающую и культуротворческую функции, а именно позволяет сохранить и передать культурное наследие прошлого.

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММЕМОРАТИВНОГО СОБЫТИЯ

Изучение ментальной репрезентации события предполагает построение его ментальной модели, которое, по мнению В. И. Заботкиной, включает два основных этапа – «доконцептуальный этап» мультимодального восприятия события и «конструирование новой модели события по аналогии с существующими ментальными моделями» [Заботкина, 2017, с. 32].

В общем виде ментальная модель любого события включает такие компоненты, как локация, время, действие, инструмент, цель и результат. Так, через призму теории фреймовой семантики Ч. Филлмора компоненты события коррелируют со следующими семантическими ролями: агент (инициатор события), контрагент (сопротивляющаяся сила, против которой осуществляется действие), объект (то, на что направлено действие, что движется, меняется, исчезает / возникает), результат (то, что появляется как исход действия), инструмент (стимул события или его непосредственная материальная причина), источник (место начала движения или изменения), цель (место, куда направлено движение или изменение), экспериенсер (то, что подвергается воздействию события, или «эффект») [Fillmore, 1971, с. 77].

Анализ эмпирического материала исследования позволяет нам представить следующую ментальную

¹Перформанс // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/theatre_and_cinema/text/2776461?ysclid=m8vonqzc84238544740 (дата обращения: 30.03.2025).

модель коммеморативного события из двенадцати компонентов: 1) агент и его роль / роли: политик или политическая организация, выполняющий / -ая роль ведущего церемонии, рядового участника, интервьюера и др.; 2) контрагент: политик или политическая организация; 3) экспериенсер: народные массы, коллектив; 4) объект: знание о прошлом (событий, фактов, персоналий, мифологии и символики, общественной оценки); 5) цель: сплочение вокруг агента, сохранение наследия прошлого, реализация патриотической повестки; 6) эффект: поддержание или трансформация коллективной идентичности; 7) источник: событие, явление или персоналия прошлого; 8) инструмент: публичное обращение, массовая акция; 9) сеттинг: исторически и / или культурно значимая дата (праздник, годовщина, юбилей), символическое место (памятник, музей, кладбище), вещественная атрибутика (дизайн, музыка, видеоряд) и условия (погода, текущие фоновые события, наличие и степень медиатизации); 10) код: культурные символы; 11) оценка: осуждение или одобрение события или явления прошлого, их переоценка согласно идеологическим запросам; 12) вывод: формулирование «урока прошлого» и последствий для настоящего / будущего, призыв к действию.

Используя ряд семантических ролей, предложенных Ч. Филлмором, мы добавили такие важные для фреймовой структуры события компоненты, как сеттинг (специально организованное полимодальное пространство, представляющее собой триединство места, времени и внешних условий), код (семиотический адаптер существующей модели к новому знанию), оценка (градуирование источника и объекта по шкале «хорошо – плохо» в рамках данной аксиосферы и с учетом данной идеологии), вывод (сентенция как аналог «призыва к действию» в рекламе).

ДИСКУРСИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОММЕМОРАЦИИ

Знание о мире может быть представлено как в сознании, так и в языке и дискурсе, что позволяет выделить ментальную, языковую и дискурсивную типы репрезентации. Между ними, в свою очередь, следует провести разграничение, поскольку когнитивная структура и ее языковое выражение могут не совпадать друг с другом. По мнению Е. С. Кубряковой и В. З. Демьянкова, в дискурсе ментальная репрезентация, изначально выполняющая функцию отражения, получает собственную динамику и используется для конструирования новой реальности, например, за счет смещения фокусов внимания [Кубрякова, Демьянков, 2007].

Анализ материала исследования позволяет сделать вывод о том, что ментальная модель коммеморации подвергается идеологически обусловленной интерпретации в дискурсивной репрезентации, в результате чего формируется новая реальность, условно называемая коллективной памятью. Иначе говоря, коллективная память, отсутствующая как таковая в ментальной модели, является порождением дискурсивной репрезентации, возникшим в результате действия определенных дискурсивных механизмов. Без вербальной кодировки коллективная память отражается как комплекс знаний о прошлом, включенный в компонент «объект» событийного фрейма, и носит преимущественно фактографический характер. В частности, именно в дискурсе происходит автокоммуникативное преодоление временных разрывов. Оно позволяет помыслить о себе как о части исторически сформированного коллектива, разделяющего прошлое, настоящее и будущее.

Нами были выделены следующие дискурсивные механизмы коммеморативного события, способствующие конструированию коллективной памяти в его рамках.

Мифологизация. Особенностью мифа в коммеморации является явная идеологическая маркированность, что делает его распространенным инструментом политического влияния. В качестве рабочего определения мифа мы принимаем определение, предложенное К. Фладом: «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах» [Флад, 2004, с. 43].

В проанализированном нами материале был обнаружен ряд национальных мифов – историй о происхождении нации и ее прошлом. Ассоциирование событий, явлений и персоналий прошлого с общеизвестным мифом представляет собой механизм мифологизации, который предполагает редукцию их содержания и выборочную фокусацию некоторых «узловых» содержательных аспектов, выбранных соответственно идеологическим воззрениям общества. Мифологизация, в свою очередь, ведет к закреплению ее объекта в коллективной памяти.

Так, в американских коммеморативных текстах часто вербализуется миф об американской мечте, которая представляет собой идеологическую концепцию равных шансов на преуспевание через упорный труд. Миф об американской мечте включает в себя ряд ценностных концептов, таких как свобода, богатство, успех, счастье, равноправие, предпринимательство, самостоятельность (*англ.* self-made success). Все они редуцируются

в мифологему *American dream* – вербализованный символ жизненного сюжета достижения счастья простым американцем из среднего класса. Так, в следующей публикации бывшего Спикера Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси от 31.03.2020 совокупность достижений американского правозащитника С. Чавеса редуцирована до мифологемы *American dream*, а обозначаемый миф раскрывается путем фокусации таких его «содержательных узлов», как доступность (*within reach for millions*) и приоритизация рабочих и семей (*putting workers and families first*). Таким образом, через ассоциирование с мифом об американской мечте историческая фигура С. Чавеса подвергается мифологизации, а она, в свою очередь, способствует закреплению его личности и вклада в коллективной памяти. Текст сообщения сопровождается портретом С. Чавеса, стилизованным в графическом редакторе под знак-икону (в типографии Ч. Пирса), что также способствует редукции и мифологизации его образа.

César Chávez's towering vision and determined voice helped put the *American dream within reach for millions*. His commitment to *putting workers and families first* remains our inspiration and our responsibility.

Стереотипизация. В метафорическом смысле коммеморативное событие направлено на создание благоприятных условий для коллективного самоцитирования социальной группы. Самоцитирование становится возможным благодаря разработке событийного стереотипа, в основе которого лежит представление о континуальности и преемственности времени через восприятие пространства как обозримого целого. Время сложнее поддается объективации, нежели пространство. Поэтому большая роль в коммеморации отводится «горизонтальной» консолидации – созданию метафорического пространства «коллективной памяти», которое подобно зеркальному отражению альтернативной реальности, где сосуществуют и взаимодействуют разные эпохи и поколения.

Пространственность коллективной памяти реализуется средствами «опредмечивания» абстрактных понятий (время, память, судьба, благодарность) и акциональных компонентов коммеморации (вспоминание, запоминание, забывание, почитание): вербальными маркерами локальности (прецедентные топонимы и слова-символы в сочетании с динамическими глаголами) и невербальными знаками-символами (предметная символика).

Также стереотипизация реализуется за счет высокой степени ритуальности коммеморативного дискурса, которая выражается в активном

использовании так называемых «знаков интеграции» (термин Е. И. Шейгал), отвечающих за консолидацию «своих», – вербальных (прецедентные имена и фразы, включая пословицы, поговорки, клише; «слова памяти» (*remember, forget, memory* и др.), даты, архаизмы, метонимическое местоимение *we*), и невербальных (предметная символика) [Мурашова, 2024].

В следующей публикации бывшего государственного секретаря США Э. Блинкена от 14.07.2022, коммеморирующей жертв холокоста, стереотипизация достигается путем использования ряда маркеров локальности – прецедентных топонимов (*in Jerusalem at Yad Vashem, the Eternal Flame in the museum's Hall of Remembrance*) и динамических глаголов в сочетании со словами-символами (*rekindled the Eternal Flame, laid a wreath*), а также средств ритуализации – прецедентных фраз-клише (*rekindled the Eternal Flame, laid a wreath, to honor the memories, We must never forget*), «слов памяти» (*Remembrance, memories, forget*) и метонимического местоимения *We*. Превалирование маркеров локальности над маркерами темпоральности свидетельствует о фокусации на пространственном аспекте коммеморации.

Yesterday, I joined @POTUS *in Jerusalem at Yad Vashem, as he rekindled the Eternal Flame in the museum's Hall of Remembrance and laid a wreath to honor the memories* of the 6 million Jewish people who were killed during the Holocaust. *We must never forget.*

Рекурсия. Рекурсия (лат. *recursio* – «возвращение») является междисциплинарным термином, используемым в математике, информатике, искусстве и лингвистике для обозначения способа представления какого-либо объекта как подобного самому себе. В искусстве рекурсия ложится в основу *mise en abyme* (фр. помещение в бездну) – художественной техники помещения изображения внутрь изображения, приводящей к «двойному отзеркаливанию», иначе – «эффекту Дросте»¹. В лингвистике рекурсию принято считать языковой универсалией. С одной стороны, это – фонетический термин, обозначающий артикуляционный отступ при переходе к следующему звуку², с другой стороны – грамматический термин, обозначающий вложение синтаксических

¹Mise-en-abyme // A Dictionary of Media and Communication / Ed. by D. Chandler, R. Munday. 1st ed. Oxford, N.Y.: OUP, 2011. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/oi/authority.20110803100201557#:~:text=The%20double%2Dmirroring%20effect%20created,also%20known%20as%20Droste%20effect> (дата обращения: 04.04.2025).

²Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 383.

конструкций одна в другую, как в стихотворении «Дом, который построил Джек»¹. В нарратологии рекурсия обозначает прием включения текстом самого себя в канву повествования. Л. Дэлленбах определяет рекурсивную технику *mise en abyme* как «любое внутреннее зеркало, которое отражает целый нарратив путем простого, повторяющегося или «обманчивого» (или парадоксального) дублирования»² [Dällenbach, 1989, с. 36].

Рекурсивность коммеморативного события является механизмом ретроспективной автокоммуникативности, реализуемой как рефлексия над событием о событии. Если представить коммеморативное событие как трехслойную ядерно-периферийную структуру, то ядром оказывается событие прошлого, первый слой периферии представлен практикой коммеморации, а внешний слой периферии являет собой оценочное комментирование предыдущих двух слоев. Механизм действия рекурсии в коммеморации заключается в двуправленном спиралевидном движении дискурса от периферии к ядру и от ядра к периферии – от рефлексии над событием к самому событию и от события к рефлексии, где каждый последующий слой имитирует предыдущие. Спиралевидное движение дискурса позволяет расширить фрейм события, включая представителей разных поколений и выстраивая связь между прошлым, настоящим и будущим.

Вторичность коммеморативного события по отношению к коммеморируемому придает коммеморации ярко выраженный нарративный характер «повествования о повествовании», в связи с чем некоторые ее дискурсивные проявления могут быть описаны с применением нарратологической терминологии. Так, рекурсия в коммеморации может быть описана при помощи термина «диегезис», заимствованного нарратологией из теории кинематографа для обозначения реальности внутри художественного произведения и способа ее создания. По определению Ж. Женетта, диегезис понимается в общем смысле как «пространственно-временной универсум, обозначаемый повествованием», «то, что относится или принадлежит к истории» [Женетт, 1998, с. 278–279]. В художественном произведении диегезис реализуется на трех нарративных уровнях (уровнях повествования о событии) – «экстрадиегетическом», уровне самого акта литературного творчества; «диегетическом, или интрадиегетическом», уровне излагаемого события; «метадиегетическом», уровне рефлексии над событием диегетического уровня

[Женетт, 1998, с. 239]. Переключение может осуществляться как с сохранением действующих лиц, так и с их заменой и / или введением новых.

В коммеморации экстрадиегетическому нарративному уровню соответствует коммеморативное событие, диегетическому уровню – коммеморируемое событие, метадиегетическому уровню – рефлексия о предыдущих двух. Рекурсия возникает в результате диегетического сдвига между нарративными уровнями – от рефлексии над коммеморативным событием к коммеморируемому событию, где само коммеморативное событие, по сути, является рефлексией над коммеморируемым событием. При этом в результате диегетического сдвига элементы одного нарративного уровня повторяются другими.

В проанализированном материале можно выделить три типа диегетического сдвига в зависимости от того, какой компонент коммеморативного события его осуществляет: сеттинговый (пространственно-временной), агентный и оценочный. Роль шифтера между диегетическими уровнями преимущественно выполняют прецедентные имена и фразы, обстоятельства времени и места, даты, оценочная лексика, дейктические местоимения. Собственно рекурсия осуществляется за счет средств избыточности и перформативности – повторов, плеоназмов, параллелизма, перформативных глаголов, «слов памяти», паремий (сентенциозных клише, таких как пословицы и поговорки) и иных клише.

Следующее сообщение лидера Лейбористской партии Великобритании К. Стармера от 08.06.2022 представляет собой метарепрезентацию коммеморативной церемонии, посвященной 40-й годовщине окончания Фолклендской войны.

Thank you, Mr. Speaker, for hosting the commemoration ceremony on the 40th anniversary of the Falklands war.

HRH The Princess Royal, veterans and MPs came together to remember those whose lives were impacted and pay tribute to our armed forces who served.

Коммеморация осуществляется в формате благодарственного письма Спикеру парламента за проведение коммеморативной церемонии. Уровень рефлексии маркируется характерным для жанра благодарности клише *Thank you* и прецедентным именем-обращением *Mr. Speaker*, уровень коммеморативного события – «словами памяти» (*commemoration, anniversary, to remember, pay tribute*), порядковым числительным *40th*, прецедентными именами-титлами (*HRH The Princess*

¹Recursion // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/recursion> (дата обращения: 04.04.2025).

²Перевод наш. – Е. М.

Royal, MPs), метонимическим местоимением *our*; уровень коммеморируемого события – прецедентным именем *the Falklands war* и клише *those whose lives were impacted*. В данном сообщении диегетический шифтер является агентным: меняются действующие лица (К. Стармер, Спикер, Королевская принцесса, ветераны, члены парламента, вооруженные силы) и выполняемые роли (благодарность, проведение, коллективный сбор, поминовение).

Большая часть информации имеет избыточный характер, который выражен путем вербализации типичных для коммеморативного события слотов (участники и их роли, коллективность, памятование, павшие в боях), использования «слов памяти» (*commemoration, anniversary, to remember, pay tribute*) и плеоназма (*our armed forces who served*).

Все сообщение целиком носит перформативный характер, что достигается при помощи перформативных глаголов (*Thank you, came together to remember <...> and pay tribute*).

Выявленные дискурсивные механизмы позволяют расширить фрейм коммеморативного события за счет включения новых потенциальных участников и оценки события относительно текущей идеологии, не задействуя при этом избыточных ресурсов пространства, времени и языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа материала исследования было установлено, что коммеморативное событие отличается от многих других коммуникативно опосредованных событий ретроспективной автокоммуникативностью. Она позволяет реализовывать в коммеморации мнемоническую функцию преодоления временных разрывов, способствует созданию континуума времени и передаче по нему опыта и наследия прошлого. Было выявлено расхождение между ментальной и дискурсивной репрезентациями коммеморативного события. Оно заключается в том, что коллективная память, которая в бытовом понимании позиционируется как основа, цель и результат коммеморации, не представлена ментально в качестве отдельного компонента событийного фрейма (лишь как часть компонента «объект», т. е. знаний о прошлом), но объективируется дискурсивно как альтернативная реальность с явно выраженным пространственным измерением. К дискурсивным механизмам конструирования коллективной памяти как пространственной категории относятся мифологизация, стереотипизация и рекурсия. Результаты исследования подчеркивают ключевую роль языка в формировании коллективной памяти народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мурашова Е. П. Основные признаки коммеморативного дискурса (на материале аутентичных англоязычных текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 65–71.
2. Мурашова Е. П. Лингвистические аспекты политической коммеморации // Научный альманах Института международных отношений и социально-политических наук: сборник статей / отв. ред. В. Н. Пивовар. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025. С. 93–97.
3. Левченко М. Н. Дискурсивное событие «назначение на должность»: специфика архитектуры официального дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 2. С. 1–14. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-2-1267> (дата обращения: 14.04.2025).
4. Косиченко Е. Ф., Казакова И. В. Лингвосемиотика событийной коммуникации (на материале новостных сообщений интернет-канала Би-би-си) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 9 (877). С. 57–64. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_57.
5. Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория событийности в интердискурсе // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 3. С. 59–76. DOI 10.51762/1FK-2022-27-03-05.
6. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011.
7. Ирисханова О. К. Семантика событийных имен существительных в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
8. Reisigl M. The Semiotics of Political Commemoration // The Routledge Handbook of Language and Politics / Ed. by R. Wodak, B. Forchtner. L. and N. Y.: Routledge, 2018. P. 368–382.
9. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург: Искусство-СПБ, 2010. С. 163–177.
10. Евграфова Ю. А. Автокоммуникация в АСМР-дискурсе: средства достижения интроспекции // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 303–308.

11. Заботкина В. И. Репрезентация событий в когнитивных моделях и дискурсе: аксиосфера культуры // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук: коллективная монография / отв. ред. В. И. Заботкина. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. С. 28–45.
12. Fillmore Ch. J. Types of Lexical Information // *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology* / ed. by D. D. Steinberg, L. A. Jakobovits. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 65–103.
13. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2007. № 4 (13). С. 8–16.
14. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
15. Dällenbach L. *The Mirror in the Text*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
16. Женетт Ж. *Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2: Фигуры III.*

REFERENCES

1. Murashova, E. P. (2024). The main features of the commemorative discourse (An analysis of authentic English-language texts). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(887), 65–71. (In Russ.)
2. Murashova, E. P. (2025). *Lingvisticheskie aspekty politicheskoy kommemoracii = Linguistic Aspects of Political Commemoration*. Nauchnyj al'manakh Instituta mezhdunarodnykh otnoshenij i social'no-politicheskikh nauk (pp. 93–97): collection of papers. Moscow: Izdatel'stvo: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet. (In Russ.)
3. Levchenko, M. N. (2023). Discursive event “appointment to a position”: the specifics of the architectonics of the official document. *Bulletin of Moscow State Regional University*, 2, 1–14. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-2-1267> (access: 14.04.2025). (In Russ.)
4. Kosichenko, E. F., Kazakova, I. V. (2023). Linguosemiotics of event communication (analysis of BBC Homepage news). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(877), 57–64. DOI 10.52070/2542-2197_2023_9_877_57. (In Russ.)
5. Dziuba, E. V., Ryabova, I. Yu. (2022). Category of eventfulness in interdiscourse. *Philological Class*, 27(3), 59–76. DOI: 10.51762/1FK-2022-27-03-05. (In Russ.)
6. Deleuze, G. (2011). *Logika smysla = The Logic of Sense*. Moscow: Academic Project. (In Russ.)
7. Iriskhanova, O. K. (1997). *Semantika sobytiinykh imen sushchestvitel'nykh v yazyke i rechi = Semantics of event nouns in language and speech: abstract of PhD thesis in Philology*. Moscow. (In Russ.)
8. Reisigl, M. (2018). The semiotics of political commemoration. In Wodak, R., Forchtner, B. (Eds.), *The Routledge handbook of language and politics* (pp. 368–382). L. and N. Y.: Routledge.
9. Lotman, Yu. M. (2010). *Avtokommunikatsiya: «Ya» i «Drugoi» kak adresaty (O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury) = Autocommunication: «I» and «Another» as addressees (about two models of communication in the system of culture)*. In Lotman, Yu. M. *Semiosfera* (pp. 163–177). St. Petersburg: Art-SPB. (In Russ.)
10. Evgrafova, Yu. A. (2024). Autocommunication in ASMR-discourse: means of achieving introspection. *Cognitive Studies of Language*, 5(61), 303–308. (In Russ.)
11. Zabotkina, V. I. (2017). *Reprezentatsiya sobytii v kognitivnykh modeliakh i diskurse: aksiosfera kul'tury = Representation of events in cognitive models and discourse: axiosphere of culture*. In Zabotkina, V. I. (Ed.), *Reprezentatsiya sobytii: integrirovannyi podkhod s pozitsii kognitivnykh nauk* (pp. 28–45): kollektivnaya monografiya. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.)
12. Fillmore, Ch. J. (1971). Types of lexical information. In D. D. Steinberg, L. A. Jakobovits (eds.), *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology* (pp. 65–103). Cambridge: Cambridge University Press.
13. Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z. (2007). On mental representations. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4(13), 8–16. (In Russ.)
14. Flad, Ch. (2004). *Politicheskii mif. Teoreticheskoe issledovanie = Political Myth: A Theoretical Introduction*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)
15. Dällenbach, L. (1989). *The mirror in the text*. Chicago: University of Chicago Press.
16. Genette, G. (1998). *Figures (vol. 2. Figures III): in 2 vols*. Moscow: The Sabashnikov Publishing House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурашова Екатерина Павловна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Murashova Ekaterina Pavlovna

PhD in Philology, Associate Professor

Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Political Science

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	15.09.2025	accepted for publication